

УДК 82.09
ББК 83.3(2=665) +
83.3(2=667)

ВРЕМЯ–ПРОСТРАНСТВО В ПРОЗЕ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

© 2017 г. Ю.Г. Хазанкович

*Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова,
Якутск, Россия*

Дата поступления статьи: 12 марта 2017 г.

Дата публикации: 25 июня 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-2-230-243

Аннотация: Тезис М. Бахтина о хронотопе как «вратах в художественный смысл» текста является основополагающим для предложенного исследования. Непросто понять литературу национальную, содержание которой не столько философично, сколько архетипично. Проза коренных народов Севера — манси, ханты, ненцев, эвенов, эвенков, юкагиров, нивхов, чукчей, нанайцев и др. — уникальна в своей «хронотопичности» и кардинально отличается от русской литературы, в лоне которой она выросла. Системный подход позволяет выявить особенности функционирования художественных хронотопов в северной прозе. Осмысление «хронотопического» аспекта прозы малочисленных народов связывается непосредственно с пониманием художественной концепции северного человека, воплощением его бытия и национального образа мира самими писателями-северянами. Большинство героев подчиняют себя законам «своего» пространства и измеряют происходящее природно-родовой меркой. В силу этого анализ художественного времени-пространства позволяет раскрыть характеры «непонятных» героев — носителей родового сознания, выявить нигде более не встречающиеся оригинальные хронотопические образования в северных литературах (хронотоп кочевья, хронотоп мужчины и женщины, хронотоп пути, промыслово-охотничий хронотоп, хронотоп пожилого человека и т. д.). Анализ хронотопов в прозе малочисленных народов позволил еще раз утвердить положение о том, что мифология составляет базис художественного мышления прозаиков — представителей малочисленных народов.

Ключевые слова: литература малочисленных народов Севера, культура народов Севера, нивхская литература, мансийская литература, хантыйская литература, художественное время, художественное пространство, хронотоп, роман, повесть.

Информация об авторе: Юлия Геннадьевна Хазанкович — доктор филологических наук, доцент, Северо-Восточный федеральный университет, ул. Кулаковского, д. 42, 677000 Якутск, Россия.

E-mail: hazankovich33@mail.ru

FICTIONAL TIME AND SPACE IN THE PROSE OF SMALL ETHNIC GROUPS OF THE NORTH

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2017. Yu.G. Khazankovich
*North-Eastern Federal University of M.K. Ammosov,
Yakutsk, Russia*
Received: March 12, 2017
Date of publication: June 25, 2017

Abstract: The essay bears on Mikhail Bakhtin's idea of chronotope as "the gate" to "the sphere of meanings." Without this methodological tool, it would be difficult to understand a national literature that is archetypal at its core. Fiction of the indigenous peoples of the North – Mansi, Khanty, Nenets, Evens, Evenks, Yukaghirs, Nivkhs, Chukchi, Nanais, etc. – is unique due to its specific chronotope that makes it strikingly different from the Russian literature that had nurtured the former. Systematic approach allows reveal the specificity of fictional time and space and the specific ways chronotope functions in the prosaic works of the North. The chronotopic aspect of the Northern fiction draws from the peculiar understanding of art and life and the national worldview of the Northern author. Most of the fictional characters are subject to the laws of their "own" space and measure everything with the measure of nature and race. Owing to this fact, the analysis of fictional time and space helps us understand the "obscure" characters that represent the national consciousness and trace hitherto unstudied chronotope formations of the Northern literature such as: chronotope of the nomad, chronotope of man and woman, chronotope of the road, chronotope of the fishery and hunting, chronotope of the elderly person, etc. The essay eventually demonstrates that mythology forms the basis of the literatures of small ethnic groups.

Keywords: literature of small ethnic groups of the North, culture of the peoples of the North, Nivkh literature, Mansi literature, Khanty literature, fictional time and space, chronotope, novel, story.

Information about the author: Yulia G. Hazankovich, PhD in Philology, Associate Professor, North-Eastern Federal University, NEFU, Kulakovskiy 42, 677000 Yakutsk, Russia.

E-mail: hazankovich33@mail.ru

В 30-е гг. XX столетия М. Бахтин обратился к понятию «время–пространство» в разработке теории романа и «нравственной философии», в основе которой была идея взаимозависимости характера, поступка с проблемой выбора и ответственности. Концептуальное обоснование понятие «хронотоп» получило в одной из поздних его работ «Формы времени хронотопа в романе», где оно обрело мировоззренческий смысл. Бахтин отмечал: «Все временно-пространственные определения в искусстве и литературе неотделимы друг от друга и всегда эмоционально-ценностно окрашены. Абстрактное мышление может мыслить время и пространство в их раздельности и отвлекаться от их эмоционально-ценностного момента. Но живое художественное созерцание ничего не разделяет и ни от чего не отвлекается. <...> Искусство и литература пронизаны хронотопическими ценностями разных степеней и объемов. И каждый мотив, каждый видимый момент художественного произведения является такой ценностью» [1, с. 177].

Основой философского осмысления понятия «хронотоп» стало то, что человек неповторимо причастен Бытию, «имеет в Бытии единственное место, в котором время и пространство индивидуализируется», а вместе с тем определение человека в пространстве и времени влечет за собой и ценностное восприятие мира, — ведь именно в пространственно-временных координатах запечатлен «кругозор этнокультуры» в целом. М.М. Бахтин считал, что ведущим хронотопом в литературе является время, оно «сгущается и уплотняется. Приметы времени раскрываются в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется временем». Исходя из его концепции, художественный текст — это прежде всего явление культуры.

Именно в художественном произведении заложена «матрица» культуры, ее пространственно-временная модель (хронотоп). Для нашего исследования это положение принципиально важно. Важно и положение М. Бахтина о том, что хронотоп есть «врата в художественный смысл» произведений. Достаточно сложно понять литературу национальную, содержание которой не столько философично, сколько архетипично. К аутентичным по форме и содержанию можно отнести литературы коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока. Наша попытка исследовать прозу северян в «хронотопическом» аспекте — первый опыт в национальном литературоведении. Изучение жанровых особенностей северной прозы (в частности, романа) позволило нам выявить типологически устойчивые хронотопы, представленные устойчивыми мотивами, образами и т. п., имеющими культурную и эмоционально-ценностную «интенсивность» в текстах. Отметим, что проза коренных народов Сибири и Дальнего Востока — манси, ханты, ненцев, эвенов, эвенков, юкагиров, нивхов, чукчей, нанайцев и др. — уникальна в своей «хронотопичности» и кардинально отличается от русской литературы, в лоне которой она выросла.

Осмысление «хронотопического» аспекта прозы малочисленных народов мы связываем непосредственно с пониманием художественной концепции северного человека, воплощением его бытия и национального образа мира самими писателями-северянами. Большинство героев подчиняют себя законам «своего» пространства и измеряют происходящее природно-родовой меркой. В силу этого анализ художественного времени-пространства позволяет раскрыть характеры «непонятных» героев — носителей родового сознания, выявить нигде более не встречающиеся оригинальные хронотопические образования в северных литературах (хронотоп кочевья, хронотоп мужчины и женщины, хронотоп пути, промыслово-охотничий хронотоп, хронотоп пожилого человека и т. д.). Оригинальность «хронотопических» образований у северян состоит в том, что время и пространство имеют у них уникальную спаянность с Природой, отражая ритм их жизни (биологический, социальный, коллективный, индивидуальный) и логику национального мышления. Время у северян словно «растворено» в пространстве, актуализируя онтологические, аксиологические и гносеологические аспекты северного бытия. Пространственно-временная перспектива заложена в самом сознании северян. Например, длина дороги создателя мира боже-

ственного Тайхнада (мансийского верховного божества) — «четыре дня езды на собаках». Такова этническая специфика пространственно-временных понятий у таежников и промысловиков. Современный охотник в состоянии иметь часы, но по-прежнему ему привычнее определять время по солнцу и звездам, а длину пути по другим не менее экзотичным меркам — «медвежья берлога находится на расстоянии двух выкуренных трубок».

Сохранившееся с архаических времен у северного человека чувство сопричастности природе писатели-северяне возводят до этического императива в определении человеческой сущности. «Мифологическая картина мира», созданная писателями-северянами, отражает приятие Природы не как «неодушевленный объект», а как глобальное живое существо, дарующее жизнь и ее поддерживающее. Потому аксиологемой северной прозы становятся категории Жизни и Смерти, которые образуют «нравственный контекст» хронопической характеристики жизни северянина. Мифология донесла из глубин веков образы-символы этих онтологических понятий, сохраняя при этом потенциал «вечного смысла». Так, важенка у северян является символом смерти и одновременно символом материнства, символом продолжения жизни.

Проблему времени в философии так или иначе связывают с проблемой человеческой свободы и необходимости. В классической литературе человек включает «сферу свободы и необходимости», проявляя себя в своих чувствах и действиях. У малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока понятия «свободы» и «необходимости» имеют качественно иное наполнение. «Свобода» у северян с учетом природного существования вовсе не «свобода выбора». Метафизически понимаемая нами свобода выбора никак не соотносима с архаическим сознанием северных народов. Она не может быть противопоставлена воле Солнца, божеств, духов-хозяев. Она максимально сопряжена с «необходимостью» принесения жертвы «духу местности», чтобы «умилостивить» неподвластную человеку стихию. Стремление сохранить жизнь является основополагающей ценностью мифологического пантеона северных аборигенов. Готовность северного человека расстаться с жизнью добровольно (немощные старики просят родственников лишить их жизни) — это, скорее всего, сложная культурная форма выражения этического императива сохранения жизни. Этика поведения северного человека определена идеей цикличности человеческой

жизни. Можно предположить, что именно цикличность человеческой жизни следует считать основной хронотопической характеристикой созданной «модели мира» писателями-северянами. Примат жизни над смертью утверждается через возможность «вечного возвращения», определяя хронотопические особенности Среднего (человеческого) мира. Отсюда и иной аспект «трагического» в художественных повествованиях северян — это трагическая зависимость от Природы, ее стихии, духов-хозяев. При этом личностный фактор почти нивелирован. «Жизнь на Природе» приучает мыслить основными категориями — жизнь или смерть. Но эти категории сопряжены с удачей на охоте, природными стихиями, которые не подвластны человеку и поэтому определяют его судьбу.

Если, по словам М. Бахтина, в русской культуре временной фактор преобладает, то у северных народов доминирующим оказывается пространство. На наш взгляд, циркумполярная культура Арктики — это культура Пространства, но не «культура времени». Такое определение исходит из гипотетической априори теории Г. Гачева о мировоззрении кочевых народов: «понятие пространства у них должно превалировать над понятием времени» [2, с. 61]. Пространство физическое и духовное представлено предметами, которые входят в систему этнических ценностей (шаман-дерево, тотемные животные, орудия промысла и ритуальные предметы). Говоря о пространственных объектах в прозе Севера, наиболее частотным является образ дороги. Этот образ в мировой литературе является «носителем» хронотопических ценностей — об этом говорили и М. Бахтин, и Ю. Лотман. По словам последнего, «хронотоп дороги выступает как пространственная форма» [5, с. 290] организации сюжета, которому соответствует и особый тип героя — «герой дороги» (классический вариант «героя дороги» можно встретить в народном эпосе. — Ю.Х.). На «большой дороге» пересекаются в одной пространственно-временной точке пространственные и временные пути разных людей. В дороге завязываются события, время «вливается в пространство и течет по нему». Дорога интенсифицирована течением исторического времени, приметам. Хронотоп дороги в литературах народов Севера вычленишь несложно, но семантическая наполненность этого образа совсем иная. Дорога у северян — это Путь, с присущей ему цикличностью, он ведет к победе над смертью и злом, что в языческом пантеоне возможно благодаря идее «вечного возвращения» в Мир. Иллюстративным

материалом может послужить роман хантыйского прозаика Еремея Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари». Его роман строится на сюжетной мифологеме дороги-пути. Путь, в отличие от «дороги», которая имеет только направление, обладает своим хронотопом. В контексте северной прозы мы можем говорить о «хронотопе пути». Кочевье «не знает дорог, но знает пути — это внутренне чуемая нить пространства», пространства, которое не имеет пределов. Это даль, ширь, Простор, где отсутствует стесненность, простор несет с собой свободу и открытость. Надо отметить, что «хронотоп пути» у писателей арктических народов отличается от «хронотопа пути», встречающегося в фольклоре аборигенов. В фольклоре он близок к «хронотопу передвижения», «хронотопу расстояния», где превалирует «временной» фактор (расстояние между объектами определяется через время в пути). В прозе малочисленных народов «хронотоп пути» носит больше мировоззренческий характер. Пространственный аспект «хронотопа пути» очевиден. Пространство здесь подвижно, оно не мертвое, но его нельзя связывать только с «физическим передвижением». Это мир иных измерений, где сказка сплетена с реальностью. «Тайга. День идешь — конца не видно, год идешь — конца не видно» [7, с. 339]. Такой зачин содержит эпическую проекцию и указывает на время — «время начал», подвижное, живое пространство. Живое пространство Природы нивелирует мертвенность ландшафта, «где снег, снег и больше ничего».

«Хронотоп дороги», в отличие от «хронотопа пути», ситуативно конкретен. Он больше носит характер социальный, где пересекаются человеческие судьбы, социально дистанцируются/приближаются. Вспомним классический вариант «хронотопа дороги» в поэме Гоголя «Мертвые души». Но в прозе северян можно наблюдать некую сюжетную интенсифицированность образа дороги. Именно с нее начинается повествование Ю. Шесталов («Синий ветер касланий», «Тайна Сорни-Най», «Когда качало меня солнце») и заканчивает В. Санги («Ложный гон», «Женитьба Кевонгов»).

Хронотоп пути в прозе малочисленных народов Севера включает в себя специфический «хронотоп кочевья». Это хронотоп, где пространственный фактор также преобладает, — в его основе передвижение. «Каслание (т. е. кочевье. — Ю.Х.) — это дорога длинная, трудная...». Кочевье само по себе связано с космическим циклом смены времен года, и ему подчиняется жизнь тундровиков. Очевидна его принадлежность к «профанно-

му времени» — кочуют роды из года в год, из поколения в поколение. Они опять «едут на семь-восемь месяцев, будут весну, лето и осень кочевать в предгорьях и горах Урала» [7, с. 343]. Кочевье — это дорога рода, «своя» дорога. В кочевом пространстве человек становится «оседлым», «духовно» оседлым (Д.С. Лихачев), что дает возможность тундровику более уверенно чувствовать себя в окружающем мире. «Вечная дорога» в ее вечном движении сопровождает кочевников-оленоводов всю жизнь. Жизнь кочевников кругообразна, «циклична и не мыслима вне круга, ибо велика сила природного притяжения». Кочевая дорога не интенсифицирована течением исторического времени, на ней нет его следов и знаков. Историю кочевья «надо смотреть и ее надо слушать» [7, с. 341].

Выше обозначенные хронотопы связаны с «хронотопом дома», который столь же специфичен в прозе малочисленных народов Севера, что и предыдущие. В мировой литературе хронотоп дома ценностно связан с понятием открытости-закрытости пространства. В русской и мировой литературе хронотоп дома связывался с так называемым «биографическим временем» [4, с. 100], протекающим «во внутренних пространствах салонов, комнат, домов, усадеб». Замкнутое, точечное пространство салонов в смысловом плане связывают с «живым» и «мертвым» пространством и его обитателями. Образ дома в романах писателей-северян традиционно, на наш взгляд, «топохроничен» (в отличие от хронотопа) и менее всего связан с «закрытым» пространством. Ощущение повсюду открытого пространства, стремление к нему становится главенствующим. Домом становится открытое пространство — кочевье. В кочевье «дом» в нашем понимании отсутствует. «Вчера тетя Сана с мужем приехала из стада в деревню. С недельку они поживут в своем доме. Будут собираться в большое кочевье». Но хронотоп дома и образ настоящего дома, который становится скорее изоморфной картиной жизни, в реально-историческом времени все-таки появляется в северной прозе — в романе нанайского писателя Григория Ходжера «Амур широкий». Хронотопическая ценность «дома» выносится в заглавие первой части романа-трилогии — «Конец большого дома». Но это скорее исключение из правил.

Текущее время, время событий, писатели из числа коренных народов хронологически точно обозначают, «маркируя» его социально политическими событиями — расстрел рабочих на Ленских приисках, «война с

германцем» [6, с. 22]. Но чаще всего «темпоральные показатели» в романах выражены через «природно-бытовой» цикл, «трудовое время», которые образуют «промыслово-охотничий хронотоп». Так, у нивхского прозаика В. Санги встречаются достаточно интересные эпизоды в романе «Женитьба Кевонгов»: «Год делится у нивхских промысловиков на сезоны. Когда солнце при своем заходе делает самый длинный в году шаг — это сезон лова горбуши... Когда деревья и травы остановят свой буйный рост и, отдав земле свое наследство, устало отдыхают, из моря прет старший брат лососей — кета... Но вот солнце стронулось с самого короткого дня и месяца через два мужчины заканчивают сезон охоты на соболя и открывают сезон охоты на морского зверя во льдах» [6, с. 211].

Ценность времени у малочисленных народов Сибири ощутима только в рамках промысла: это время — отголосок мифологической эпохи, но оно взаимодействует с внутренним временем человека, становясь частью его «личного» опыта. «Пришло время промысла» — и этим сказано все.

Содержание промыслово-охотничьего хронотопа достаточно глубокое. Большинство героев романов связаны с охотой или рыбным промыслом, добычей пушнины. Мотив охоты всегда присутствует и зачастую становится организующим в сюжетном построении произведений северян. Охота — это жизненная суть северного быта/бытия. Охота в русских усадьбах, описанная в произведениях Л. Толстого и И. Тургенева, — всего лишь забава для участников. Тогда как смысл охоты для северянина — добыча, а не сам процесс охоты. Поэтому понятие «охотничья удача» сопряжено с понятием физического выживания человека. Особенности промысловой жизни находятся в глубокой зависимости от природного цикла: «рунный ход» рыбы заставляет закидывать сети, «ложный гон» соболя дает охотнику еще и возможность испытать «охотничью удачу». Охотничья удача улыбается тем, кто безукоризненно выполняет охотничьи магические ритуалы, соблюдает их и следует промысловой этике, не навлекая на себя тем самым гнев духов-хозяев. Со временем у северян сформировалась культовая обрядовость, связанная с поклонением духам Природы. Говоря о культовом начале в духовной культуре аборигенов, надо сказать, что обрядность носила почти повсеместно гендерный оттенок. В частности, это проявлялось в четком разделении на мужское и женское — исполнение обряда, фольклорных жанров и др. До сих пор фольклор северян сохранил женские и мужские

песни, пословицы, ритуалы. Это было связано с тем, что ранее жизненный цикл человеческой жизни проходил под «знаком» и деятельностью «космических материй», куда входили женские и мужские божества Неба и Земли, Солнца и Луны, что отражало социальную организацию внутри сообщества [3, с. 45].

Разделение «мужское-женское» соотнесено с понятиями «добра-зла». Мифологическая универсалия «мужское-женское» характерна для многих палеоазиатских народов. Ее можно соотнести с китайскими символами-образами ИНЬ (женское начало) и ЯН (мужское начало). Можно выстроить ассоциативный ряд с данными символами: Инь: ночь, тьма, Луна, слабое, смерть, бедность, север; Ян: день, солнце, важное, богатство, твердость [8, с. 45]. Патриархат и матриархат наложили отпечаток на положении полов в архаическом обществе, в котором уживается культ женщины-Матери, поклонение ей как продолжательнице рода и одновременно отношение к Женщине как «нечистому» существу. Жизнь женщины табуирована: если женщина нарушает «запрет», то это грозит бедой не только ей, но всему роду. Этика поведения мужчин и женщин у северных народов имела гендерную специфику, что позволяет говорить об «особом» «хронотопе женщины» и «хронотопе мужчины» в северных литературах. Названные хронотопы имеют функциональное и содержательное отличие друг от друга: мужчина — охотник, добытчик, кормилец, тогда как женщина — продолжательница рода, хранительница очага, работница.

Великое множество женских образов появляется на страницах романов: Талгук и Ланьгук в романе нивха В. Санги «Женитьба Кевонгов», Пыльмау в романе чукчи Ю. Рытхэу «Иней на пороге», шаманка Тачана в романе юкагира С. Курилова «Ханидо и Халерха», тетя Сана в повести «Синий ветер касланий» манси Ю. Шесталова, Идари в романе «Амур широкий» нанайца Г. Ходжера. Они живут всецело настоящим, реализуя себя как женщины-матери, жены, старательные и расторопные хозяйки. Женщина — вечная труженица в чуме (она принадлежит больше «хронотопу дома»), неутомимая мастерица на все руки, «ловкая во всякой работе». Судьба женщины сложна: женщиной распоряжаются все, кроме нее самой. Уже с детства она просватана по родовому сговору, выкуплена за калым и нередко выдается замуж за нелюбимого («Женитьба Кевонгов» В. Санги, «Амур широкий» Г. Ходжера, «Ханидо и Халерха» С. Курилова). Стр-

гость и сдержанность, молчаливость, кротость и покорность определяют этнопсихологический образ северянки, становятся эпическими чертами ее характера. Она «тихо входит» в дом мужа и «делает все тихо и неслышно», «без резких движений и осторожно». Яранга — это пространство ее жизни. Жизнь женщины ограничена и во времени: «женское» время — время жены и матери — проходит быстро. «Сорок затяжных, буранистых голодных зим-близнецов, сорок горячих от работы лет-близнецов, да десяток мучительных родов, и к женщине обращаются мамхать-старуха» [6, с. 240]. Заметим, что возраст человека определяется у аборигенов обычно циклом времен года. «Хронотоп женщины» носит больше временной оттенков.

«Хронотоп мужчины» в произведениях писателей малочисленных народов раскрывается через описание промысловой жизни. Рождение мальчика в роду имеет важное значение: он продолжатель рода, добытчик и помощник. Испокон веков рождение мальчика было предпочтительней, чем рождение девочки. Женщина, давшая ему жизнь, пользовалась особым уважением. Сохранение и продолжение рода, «охотничья удача», мужество — вот лишь некоторые составляющие хронотопических ценностей патриархального северного сообщества. Вечная борьба с силами стихий, представителями других родов за выживание своего рода определяет жизнь мужчины-добытчика. Мужчина-охотник более свободен в своем волеизъявлении и в действиях, чем женщина, но также подчинен природной «цикличности» жизни. Его пространство «открыто», максимально насыщено «движением». Охотник и кочевник мобильны в пространстве. Охотничье пространство особенное: при всем его кажущемся просторе и «бестерриториальности» оно тоже ограничено «охотничьей местностью», «охотничьей тропой». Старик Касказик в романе В. Санги «Женитьба Кевонгов» двигается «сквозь тайгу и сопки старинной нивхской тропой, которой сейчас пользовались одни медведи».

Знание прошлого предстает в романах как мудрость и сокровенный опыт, которым владеют старики. Художественная целостность характеров пожилых людей, их функциональная значимость позволяют говорить о «хронотопе пожилого человека». Писатели-северяне создают целую галерею характеров: старик Касказик и Лучка в романах В. Санги «Ложный гон» и «Женитьба Кевонгов», Боас Заксор в «Амуре широком» Г. Ходжера, Орво в романе Ю. Рыхтэу «Сон в начале тумана» и т. д. Для стариков характерно

духовное укоренение в бытии. Старики не рефлексируют, а живут: их внутренний мир — оттиск хронотопических ценностей родового мира. «В лесу Илья-Аки всегда смолкал, становился сосредоточенным. И шел так, что почти не слышно было его шагов. И говорил он почти шепотом, таинственно объясняя внуку, где какой дух может обитать, кому нужно кланяться, кому оказать свое человеческое почтение. Часто на дереве он вырезал лицо лесного божка с большим носом, прося его помочь на охоте, а то на стволе большого дерева творил изображение самого медведя. Если человек рубит изображение зверя на дереве и думает о себе, удачи в охоте все равно ему не будет» [7, с. 206–207].

Наблюдения над хронотопическим содержанием северной прозы позволяют сделать вывод, что оно соткано из эпических элементов. Специфика хронотопов северной прозы связывает воедино время-пространство мира Природы со временем человеческой жизни. На наш взгляд, каждый художественный хронотоп образован несколькими пространственно-временными и ценностными координатами мировоззренческого характера. Анализ хронотопов в прозе малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока позволил еще раз утвердить положение о том, что мифология составляет базис художественного мышления прозаиков — представителей малочисленных народов. Мифология и фольклор — это та почва, на которой выросло древо архаических культур малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока. Мифологизм определил своеобразие содержания художественных времени и пространства прозы «малых» народов, иерархию нравственных ценностей. Изучение художественного времени-пространства позволяет выявить качественно новые культурные аксиологемы, эстетические и содержательные аспекты не только конкретных художественных произведений, но и в целом аутентичных литератур малочисленных народов Севера.

Список литературы

- 1 *Бахтин М.М.* Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 300 с.
- 2 *Гачев Г.* Национальные образы мира. М.: Сов. писатель, 1988. 445 с.
- 3 *Жукова Л.Н.* Языческий пантеон юкагиров. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. 90 с.
- 4 *Линецкий В.* Михаил Бахтин, или лучшая книга о Набокове. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. 216 с.
- 5 *Лотман Ю.* Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического мастерства. М.: Просвещение, 1988. С. 251–293.
- 6 *Санги В.* Женитьба Кевонгов. М.: Известия, 1977. 560 с.
- 7 *Шесталов Ю.* Синий ветер каслания. М.: Известия, 1985. 464 с.
- 8 Этнические стереотипы поведения. М.: Наука, 1985. 330 с.

References

- 1 Bakhtin M.M. *Epos i roman* [Epos and novel]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 300 p. (In Russ.)
- 2 Gachev G. *Natsional'nye obrazy mira* [National images of the world]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1988. 445 p. (In Russ.)
- 3 Zhukova L.N. *Iazycheskii panteon iukagirov* [Pagan pantheon of Yukaghirs]. Iakutsk, Izd-vo IaGU Publ., 1996. 90 p. (In Russ.)
- 4 Linetskii V. *Mikhail Bakhtin, ili luchshaia kniga o Nabokove* [Mikhail Bakhtin, or the best book about Nabokov]. St. Petersburg, tip. im. Kotliakova Publ., 1994. 216 p. (In Russ.)
- 5 Lotman Iu. Khudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolia [Fictional space in Gogol's prose]. *V shkole poeticheskogo masterstva* [In the school of poetic art]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988, pp. 251–293. (In Russ.)
- 6 Sangi V. *Zhenit'ba Kevongov* [Marriage of Kevongi]. Moscow, Izvestiia Publ., 1977. 560 p. (In Russ.)
- 7 Shestalov Iu. *Sinii veter kaslaniia* [Blue wind of kaslaniye]. Moscow, Izvestiia Publ., 1985. 464 p. (In Russ.)
- 8 *Etnicheskie stereotipy povedeniia* [Ethnic stereotypes of behavior]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 330 p. (In Russ.)